

DOI: 10.24412/2470-1262-2023-2-33-52

УДК(UDC)81-25

*Monica Perotto,
University of Bologna,
Forly, Italy
Моника Перотто,
Болонский Университет,
Форли, Италия*

*For citation: Monica Perotto, (2023).
Communicative Analysis of V.V. Putin's Speeches.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 8, Issue 2 (2023), pp. 33-52 (in USA)*

Manuscript received 11/06/2023

Accepted for publication: 08/07/2023

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ В.В. ПУТИНА

COMMUNICATIVE ANALYSIS OF V.V. PUTIN'S SPEECHES

Abstract:

This paper intends to propose a communicative analysis of political texts, particularly of some public speeches of President of Russian Federation V.V. Putin. Starting from the growing current interest in the language of political communication in Russia, which is characterized by multiplicity of terminological definitions, an attempt will be made to trace a method of analysis of Putin's primary texts, which are predominantly configured as hybrid texts, both descriptive and rhetorical, argumentative and persuasive. These texts, overcoming the rigid stylistic norms typical of public discourse, represent a vivid model of political persuasion and such a rich stylistic range that they could also be of great interest in teaching Russian at an advanced level. The analysis will be organized on the macro- and microstructure levels. Thanks to the creation of two small monolingual corpora ("Prewar Speeches" and "War Speeches"), processed on the Sketch Engine platform, a dynamic analysis of some keywords frequency and usage will also be implemented.

Keywords: text analysis, political discourse, rhetoric, stylistics, speeches of V.V. Putin

Аннотация:

В данной статье хочется предложить коммуникативный анализ политических текстов, в частности, некоторых публичных выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина. Исходя из растущего в настоящее время интереса к языку политической коммуникации в России, который характеризуется множественностью терминологических определений, будет предпринята попытка проследить метод анализа первичных текстов Путина, которые преимущественно представляют собой гибридные тексты, одновременно описательные и риторические, аргументирующие и убеждающие. Эти тексты, преодолевая жесткие стилистические нормы, характерные для публичного дискурса, представляют собой яркую модель политического убеждения и настолько богатый стилистический диапазон, что могут представлять большой интерес и для преподавания русского языка на продвинутом уровне. Анализ будет

организован на макро- и микроструктурном уровнях. Благодаря созданию двух небольших моноязычных корпусов ("Предвоенные речи" и "Военные речи"), обработанных на платформе Sketch Engine, будет также реализован динамический анализ частоты и употребления некоторых ключевых слов.

Ключевые слова: анализ текста, политический дискурс, риторика, стилистика, речи В.В. Путина

1. Краткое введение об анализе политического дискурса в современной России

В России выступления Президента В.В. Путина уже несколько лет являются предметом научных исследований лингвистов, политологов и специалистов в области политической коммуникации. Данные тексты можно анализировать как типичные примеры политического дискурса, которому Елена И. Шейгал дает очень широкое определение:

«Политический дискурс представляет собой знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [1, 9].

Два измерения политического дискурса - реальное и виртуальное - реализуются в текстах и видео, которые все чаще можно просматривать в режиме реального времени и анализировать с помощью различных инструментов.

По словам Марины В. Гавриловой, одного из ведущих специалистов в этой области, интерес к языку политики в российском научном мире растет, но в последнее десятилетие он во многих случаях обращается к речам иностранных лидеров. В период с 2012 по 2016 год из 44 исследований, появившихся в российском журнале *Политическая Лингвистика*, Гаврилова обнаружила, что только 12 были посвящены российским лидерам [2, 64]. На самом деле, уже в прошлом веке многие российские лингвисты уделяли внимание филологическому анализу речи глав государств, не только российских [3, 4].

В связи с распространением направлений исследований в этой области, в науке трудно найти общую терминологию. Помимо уже упомянутого термина "политический дискурс", говорят также об "общественно-политической" или "агитационно-политической" речи, или, проще говоря, о "политическом языке" [4, 127] и еще, в более широком смысле, о "политической лингвистике" [5], [6].

Статус политического языка также неоднозначен: с лексической точки зрения его можно считать микроязыком, специальным языком, но ему иногда не хватает точности и однозначности, характерных для специальных языков. "Часто, - как утверждает итальянский лингвист Микеле Кортелаццо, - политическая, техническая и, прежде всего, нетехническая лексика, пытается принять сильную антиспециалистскую коннотацию и заметно эмоциональный и экспрессивный характер"⁵.

Несмотря на трудности в его определении, язык политики следует понимать как специфическую форму коммуникации, которая действует в зависимости от социального контекста, в котором она функционирует, часто в пропагандистских целях, и поэтому коммуникативно-прагматическое измерение, безусловно, должно

⁵ Spesso il lessico politico, tecnico e, soprattutto, non tecnico, cerca di assumere una forte connotazione antispecialistica e un'aura marcatamente emotiva ed espressiva» (перевод автора). [7: 18]

быть поставлено в центр его анализа. В зависимости от контекста, в котором произносятся политические речи, и аудитории, для которой они предназначены, коммуникативные функции будут различными, и, следовательно, будут возникать различные текстовые формы и жанры.

По мнению Кортелаццо, в языке политики тексты (или речи) можно разделить на две категории: "первичные" и "вторичные", где первые - это те, которые производятся непосредственно политиками в их деятельности (выступления, парламентские или институциональные речи, интервью), а вторые - результат политического, журналистского анализа (аналитические статьи, доклады или эссе). По содержанию ученый называет их полемическими или дидактическими (дидактико-аргументативными) текстами, в зависимости от того, преобладает ли в них убеждающая или дидактико-аргументативная, познавательная функция [там же, 20-23]. Как мы увидим, тексты выступлений В.В. Путина имеют довольно гибридный характер, поскольку включают в себя оба типа - убеждающий и дидактический, но, безусловно, относятся к категории первичных текстов.

Независимо от определений, при анализе политической речи, произносимой сегодня в России, в том числе публичных выступлений Президента Российской Федерации (далее - РФ), необходимо учитывать изменения, произошедшие за последние тридцать лет в жанрово-стилевой типологии устного публичного дискурса, который, согласно исследованиям Елены И. Голановой и других специалистов, освободился от ограничений жестких стилистических норм, зафиксированных политических и идеологических шаблонов⁶.

Эти изменения многообразны: динамика жанров часто ниспровергается, и все более частотны оживленные интервью, публичные дебаты, в которых «шаблоны заменяются импровизацией» [8, 429]. В этих речах граница между устным, разговорным языком и письменным, научным языком становится все более размытой, с явной тенденцией к преобладанию первого над вторым. Политический дискурс превращается из монологического в диалогический, а интервью часто принимает форму "монологизированного диалога" [там же, 430]. Для того чтобы оживить тон речи и обратиться к народу, политик не только прибегает к идеологическим лозунгам, но и к частому употреблению коллоквиализмов, к переходам от формального к неформальному регистру, от стандартного языка к сленгу, иногда даже прибегая к сквернословью.

В Италии эти стратегии были полностью приняты в начале 1990-х годов лидерами популистских партий, например, Северной Лиги, и проанализированы в некоторых интересных работах Паолы Дезидери. Ученый хорошо выделила стратегию "отзеркаливания", представленную в форме «сразу понятных экспрессивных выражений и неформальных регистров речи, способных активировать в реципиентах мощные зеркальные системы, очень эффективные для роста консенсуса»⁷ [11, 285].

Современная политическая коммуникация, как русская, так и итальянская, демонстрирует характер относительного равенства социальных ролей между собеседниками, в том смысле, что говорящий предпочитает выбирать неформальный регистр, чтобы сократить дистанцию со слушателем. Переход от парадигмы "превосходства" к парадигме "отражения", принятой лидерами для достижения консенсуса, также недавно обсуждался Джузеппе Антонелли [12, 93] и Микеле Кортелаццо [7, 78], чтобы показать, как язык итальянской политики в последние десятилетия отказался от тонов сложной и величественной риторики, которая создавала впечатление превосходства лидера, в пользу более простых языковых реализаций, близких к чувствам публики или электората.

⁶ См. в частности [8], [9]. В 1999 Виталий Г. Костомаров писал: «сейчас наше общество вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм» [10, 7].

⁷ «Forme espressive immediatamente comprensibili e registri informali in grado di attivare nei destinatari potenti sistemi di rispecchiamento molto efficaci per la crescita del consenso» (перевод автора).

Даже в России публичный политический дискурс все больше питается сленгом, красочными выражениями, потому что таким образом он удерживает внимание публики. Безусловно, на такой язык влияют процессы языковой глобализации, которые проявляются в наличии заимствований и терминологии из международной прессы или языка социальных сетей. В свою очередь, политический язык оказывает сильное влияние на стандартный язык, как отметил Максим А. Кронгауз:

«Влияние литературы на большие массы резко упало. Новые слова и выражения, которые появляются время от времени и входят в русский язык, связаны не с литературными процессами, а с рекламой, ярким высказыванием блогера, также политики стали источниками таких фразочек» [13].

Ниже мы приведем некоторые путинские выражения, ставшие настоящими афоризмами общего языка. Но теперь более подробно рассмотрим, чем характеризуется путинская риторика.

2. В.В. Путин и риторика

Со времен великого греко-римского ораторского искусства риторика развивалась в основном по трем направлениям:

- *риторика Платона*: убеждающий дискурс, основанный на диалектике [14];
- *аристотелевская риторика*: искусство убеждения, основанное на трех категориях *этоса* (ἦθος, мораль дискурса), *логоса* (λόγος, рациональность) и *пафоса* (πάθος, страстность, эмоции) [15: 69-70];
- *риторика Квинтилиана*: классическая, редуцирующая концепция риторики как "науки красноречия" [14, 39].

Язык, который президент РФ использует в своих официальных выступлениях, как мы увидим, не является примером эрудиции или ораторского мастерства ради самого себя, а преследует четкие цели политического убеждения, ближе к аристотелевской риторике. Его красноречие следует трем аристотелевским категориям - *этос*, *логос* и *пафос* - по-разному, в зависимости от контекста и цели конкретной речи. Это приводит к выступлениям, которые, несомненно, богаты творческими и сложными стратегиями, захватывающими аудиторию.

М. Гаврилова подчеркивает широкий спектр устных жанров, характерных для речей Путина [16, 111]. В 1990-е годы на речи президента России, в первую очередь на те, которые ввел Ельцин [2, 63], оказывали сильное влияние жанры, характерные для зарубежной риторики: послание Федеральному собранию⁸, инаугурационная речь, пресс-конференция, которые добавились к уже существовавшим обращению к народу, заявлению и совещанию.

Владимир В. Путин добавил к ним новый жанр: дебат с гражданами РФ, так называемую *Прямую линию с Президентом*, единственный вид дебатов, в которых он ежегодно, начиная с 24 декабря 2001 года, выступал перед публикой в прямом эфире, отвечая на вопросы слушателей, передаваемые в сети или со стационарных и мобильных телефонов⁹. Последняя встреча *Прямой линии* состоялась 30 июня 2021 г.¹⁰, но за прошедшие годы популярность этого формата снизилась, как показывают

⁸ О характеристиках *послания* как жанра см. Перовская Т.И.: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27972/1/rya-IV-2014-09.pdf> (дата обращения 20.06.2023).

⁹ Вопросы, которые, по словам оппозиционного политика Ивана Жданова (директора Фонда борьбы с коррупцией с 2018 года), заранее подготовлены и тщательно отобраны: <https://www.youtube.com/watch?v=oQMC7qbOELs> (дата обращения 20.06.2023).

¹⁰ Видеозаписи различных выпусков *Прямой линии* размещены на сайте Первого канала: <https://www.1tv.ru/shows/vystupeniya-prezidenta-rossii/pryamaya-liniya-2021/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinym-2021> (дата обращения 20.06.2023).

опросы¹¹. Президент обычно не участвует в ток-шоу и в предвыборных дебатах. Еще один эфир прямой линии состоялся 17 июня 2023 года, но в другом формате, так как был включён в «ПМЭФ-2023» (Петербургский международный экономический форум).

Известно, что за публичными выступлениями В.В. Путина стоит целая очередь спичрайтеров, кропотливо работающих над текстом. По словам Глеба Павловского, директора Фонда Эффективной Политики, советника Кремля в начале карьеры Путина, а затем перешедшего в оппозицию, президент активно сотрудничает со своими сценаристами и пунктуально редактирует текст своих выступлений, в отличие от Д. Медведева, его предшественник, который охотно принимал то, что было подготовлено для него¹². В любом случае, как утверждает Гаврилова, «автором политического текста является тот, кто несет ответственность за его содержание» [2, 56].

В нашей работе мы будем анализировать официальные выступления Путина, а не его дебаты, скорее с точки зрения коммуникативной стратегии, чем семантико-когнитивной.

3. Материалы и модели для анализа

В литературе о политическом дискурсе к анализу текста Путина подходят в соответствии с различными моделями: просодической [17], коммуникативной [18], семиотической и лингвокультурологической [1], историко-когнитивной [19] и риторической [20], [21]. Гаврилова [3] использует критический и лингвокогнитивный подход, характерный для Критического Дискурс-Анализа (КДА), также хорошо известного в России¹³. Языковая личность президента является предметом семантико-когнитивного подхода анализа, называемого "лингвоперсонология" [2, 57], которым занимаются психологи, графологи и исследователи невербальных языков.

В данной работе мы примем модель коммуникативного анализа, представленную Ниной С. Валгиной в работе "Теория текста" [23], которая, на наш взгляд, является наиболее полной моделью, поскольку включает в себя множество текстовых параметров на макро- и микроструктурном уровне и поэтому хорошо подходит для анализа различных текстовых типологий, как литературных, так и нелитературных. Эта модель также может найти прекрасное применение в методике преподавания РКИ на продвинутом уровне¹⁴.

В модели анализа текста, представленной Н. Валгиной «раскрываются структура и семантика текста, механизмы его образования и восприятия, определяются понятия смысла и значения, вида информации и типа речи, образа автора и образа стиля».

В частности, в фокус внимания попадают некоторые центральные аспекты коммуникации на двух уровнях:

(а) *Макроструктура текста* (стратегия организации текста):

- Тема, отправитель и получатель сообщения;

¹¹ «Россияне устали от прямой линии» *Коммерсантъ* 16.04.2015: <https://www.kommersant.ru/doc/2710522> (дата обращения 20.06.2023).

¹² <https://www.bbc.com/russian/resources/idt-8b36561c-1f51-4aa2-a2c5-5fab4d1b797e> (дата обращения 20.06.2023).

¹³ КДА - это междисциплинарный подход, основанный в Великобритании Ланкастерской школой, в частности, Норманом Фэрклафом и Рут Водак, а затем развитый голландской школой Теуна А. ван Дейка, для изучения того, как язык в его социальных перформативных аспектах может быть инструментом манипуляции, злоупотребления властью или неравенства. Влияние этих исследований на российскую лингвистику обсуждается в [4], [5] и [22]. В своей работе 2015 года Гаврилова дает исчерпывающую трактовку в различные направления анализа языковой политики в России и на Западе [5].

¹⁴ Модель Н. Валгина была применена нами для анализа различных типов текстов, например, юридического в Perotto [24].

- Тип информации или *коммуникативной установки* (КУ): информативно-фактологическая, аргументативная, экспрессивно-эстетическая, оперативно-инструктивная, учебно-методологическая;
- *Функционально-смысловой тип речи* (ФСТР): описание, повествование, аргументация, инструкция;
- *Стиль речи*: разговорный, официально-деловой, публицистический, научный, художественный.

(б) *Микроструктура* (языковые элементы, способствующие связности и смысловой завершенности текста): ключевые слова, словосочетания, фразеологизмы, метафоры, заимствования, отглагольные существительные и другие значимые языковые структуры.

В речах Путина сочетание макро- и микроструктурных элементов представляет собой интересный пример риторической стратегии. Для того чтобы лучше изучить данные тексты, мы создали два небольших монолингвальных корпуса на русском языке (см. таблицу 1), которые включают тексты периода до начала так называемой "специальной военной операции", то есть до февраля 2022 года, и в течение следующего года.

Первый корпус (Предвоенные речи) содержит некоторые официальные выступления В.В. Путина на международном уровне¹⁵:

- речь на Мюнхенской конференции по вопросам международной безопасности (10.02.2007, Мюнхенская речь, МР);
- речь на заседании Международного Дискуссионного клуба "Валдай" (19.09.2013);
- обращение президента ФР о присоединении Крыма и Севастополя к ФР, состоявшееся в Кремле 18 марта 2014 года (Крымская речь, КР).

Второй корпус (Военные речи) содержит следующие выступления:

- обращение от 21 февраля 2022 года о ситуации на Украине и угрозе НАТО (признание Россией сепаратистских республик Донецка и Луганска);
- обращение от 24 февраля 2022 года (объявление о начале специальной военной операции);
- выступление на Красной площади по случаю Дня Победы (9 мая 2022).
- новогоднее обращение к гражданам России (31.12.2022)
- выступление в Волгограде (2.02.2023)
- речь В.В. Путина в Лужниках (22.02.2023).

Выступления, о которых идет речь, можно найти на официальном сайте Кремля в электронном текстовом и соответствующем видеформате. Два корпуса были созданы и обработаны нами на платформе для лингвистического анализа *Sketch Engine*¹⁶.

Таб. 1. Размер Корпусов

<i>Предвоенные речи</i>		<i>Военные речи</i>	
Tokens	19693	Tokens	29311
Words	16060	Words	24030
Sentences	1141	Sentences	1528

¹⁵ Все видеозаписи с полной расшифровкой обычно доступны на президентском сайте: <http://www.kremlin.ru/multimedia/video/section/speeches> (дата обращения 20.06.2023).

¹⁶ https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fmonica.perotto%2Fdiscorsi_bellici_putin (дата обращения 20.06.2023).

3.1. Выбор апеллятивов и местоимений

Коммуникативный анализ начнем с апеллятивов (формы обращения), которые являются основополагающими для осуществления фактической функции. Выступления президента имеют элементы диалогичности, поскольку в них часто повторяются апеллятивы (и не только во вступительной части речи), обращенные к аудитории, присутствующей в зале или подключенной к прямой трансляции. В действительности эти речи являются монологическими, поскольку аудитория состоит скорее из адресатов-наблюдателей, которые фактически не имеют права на реплику [18, 156]¹⁷. Наименее диалогичной среди проанализированных речей, несомненно, является речь, произнесенная 9 мая 2022 в День Победы. Единственной очевидной формой диалога в этой речи является повторение обращения "*Уважаемые товарищи*", обращенного к военнослужащим, как напоминание о необходимости поддерживать чувство национальной идентичности, о миссии, которую необходимо выполнить.

Обращения, выбранные Путиным при открытии выступлений, очень важны, поскольку они определяют степень контакта, который президент хочет установить со своей аудиторией, а также определяют роли в акте коммуникации. Наличие ритуальных формул, обычно жестких и конвенциональных на официальных собраниях, делает речь в высшей степени формальной, хотя степень формальности в каждом конкретном случае зависит от темы и от личного стиля оратора, контекста, в котором произносятся речи. Следует отметить, что в довоенных речах преобладает формальный, торжественный тон (*Уважаемая, Уважаемые*), обращенный как к политическим деятелям, так и к публике, коллегам и гражданам:

- МР: *Уважаемая госпожа Федеральный канцлер, господин Тельчик, дамы и господа!*
- КР: *Уважаемые члены Совета Федерации, уважаемые депутаты Государственной Думы! Уважаемые жители Крыма и города Севастополя! Уважаемые дамы и господа! Уважаемые коллеги! Уважаемые друзья!*

Мюнхенская речь произносится на международной дипломатической конференции, имеющей важное политическое и стратегическое значение, в то время как речь об аннексии Крыма торжественно произносится в залах Кремля перед политическими деятелями и членами Думы. *Уважаемые*, несомненно, является наиболее уместной и нейтральной формой вежливости в официальной обстановке.

В текстах военного времени формальный, официальный тон, продиктованный серьезным историческим моментом, дополняется более дружелюбными *Дорогие друзья, дорогие ветераны*, обращенными к гражданам и ветеранам с намерением установить большую близость. В этих речах появляется также обращение *Товарищи*, используемое в основном с военными подчиненными или постоянными членами Совета Безопасности:

- Обращение от 21.02.2022: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!*
- Обращение от 24.02.2022: *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья! Уважаемые соотечественники! Уважаемые товарищи! Должен обратиться и к военнослужащим вооруженных сил Украины.*
- Выступление от 27.02.22. *Уважаемые товарищи!*
- Выступление от 3.03.2022 *Уважаемые товарищи!*
- Выступление от 9.05.2022 *Уважаемые граждане России! Дорогие ветераны! Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!*

¹⁷ Исключение составляют ответы участников Мюнхенской конференции и граждан ФР, выступавших в *Прямой линии*. Эти тексты, однако, не были включены в корпус и, следовательно, в настоящий анализ. И в речи МДК Валдай анализ касается только выступлений президента Путина.

Использование апеллятива *товарищи*¹⁸, принятого в отношении членов партии или вооруженных сил, чтобы подчеркнуть равенство между отправителем и получателем сообщения, в качестве термина без указания на пол [25, 108], подчеркивает торжественность момента и возвращает нас к официальной терминологии советского периода. Частота употребления этого термина, как видно из таблицы 3, преобладает в текстах военного времени.

Использование личных местоимений также очень интересно. В путинском тексте преобладает так называемый "мы-дискурс" [26, 79], предполагающий инклюзивное употребление местоимения первого лица множественного числа (*мы и вы, мы* - Россия) и локатива *у нас* (в России):

- МР: *Кстати говоря, Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят* (нас - Россия)
- КР: *У нас еще очень много проблем. И у нас очень много нерешенных проблем. В том числе проблем, связанных с бедностью* (у нас - в России)

Иногда президент также использует "правительственное мы" - мы как власть, авторитет:

- МР: *Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями* (Мы - российское правительство) *Мы с этим и не спорим. [...] Пожалуйста, мы против этого не возражаем.*

В своих замечаниях Путин опускает подлежащее, что типично для российского административно-делового стиля: *Прошу вас и дальше...; Подчеркну...; То есть, повторю...; Добавлю, что ...; Напомню, что...; Поясню...; Скажу прямо...; Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту; Уверен, что все граждане страны...; Хотел бы также искренне поблагодарить...*

По мнению М. Кронгауза такой подход свидетельствует не только об использовании официального стиля, но и о монументальном тоне, продиктованном отчуждением субъекта: «избегание местоимения создает эффект обезличенности и монументальности высказывания. Президент в такой речевой подаче становится объективной и деперсонифицированной силой.» [13]

Местоимение первого лица единственного числа используется Путиным только в торжественных предложениях с агентивным, перформативным значением, например, при прямом обращении к украинскому народу: *«Я обращаюсь и к народу Украины [...] Я хочу с вами поделиться деталями переговоров [...] я не люблю обращаться к цитатам.»*

Особое значение имеет формула, произнесенная для объявления начала конфликта в Украине: *Мною принято решение о проведении специальной военной операции.* Предложение является безличным, с логическим субъектом в творительном падеже, и, хотя это деагентированная конструкция, она имеет ярко выраженный инструктивный характер. Она звучит как архаичная формула, торжественная в высшей степени, поэтому президент часто включает ее в президентские указы. Такое употребление местоимения встречается в военных текстах лишь три раза (*мною принято решение, мною подписан указ, мною даны поручения*).

В следующей таблице показана частота употребления личных и притяжательных местоимений в двух корпусах:

¹⁸ В современном русском языке данное обращение редко употребляется из-за сильной идеологической ассоциации, а иногда и в ироническом тоне.

Таб.2 Частота употребления местоимений в двух корпусах

Личные и притяжательные местоимения	Предвоенные речи	Военные речи
Я	я 92	я 45
Мы, Наш/а/е/и	мы 243, наш/а/е/и 109	мы 315, наш/а/е/и 251
Вы, Ваш/а/е/и	вы 51, ваш/а/е/и 7	вы 44, ваш/а/е/и 9
Они	они 120 (их - 32 с притяжательным значением)	они 244 (их - 61 с притяжательным значением)

Применяя функцию поиска по конкордансу (*Concordance*), мы получаем данные о частотности местоимений не только в именительном падеже, но и в различных склоняемых формах. Как видно, в военных текстах резко уменьшается встречаемость местоимения первого лица единственного числа (*я*) и растет частотность местоимения первого и третьего лица множественного числа (*мы*, *они*), хотя иногда в форме притяжательного *их*, а в предвоенных текстах частотность местоимений *я/они* довольно сбалансирована. Таким образом, кажется, что в военных речах внимание больше сосредоточено на внешнем собеседнике, враге¹⁹, однако в целом наиболее часто употребляемыми остаются местоимения первого лица множественного числа, как в предвоенных, так и в военных текстах. В целом, в военных текстах отмечается меньшая частота употребления местоимений.

Юлия Галямина, изучавшая на диахроническом уровне употребление личных местоимений [18], и в частности триады *я*, *мы*, *они* в речах Путина с 2000 года (год вступления в должность) по 2014 год (год аннексии Крыма), также отметила в своем корпусе явное преобладание местоимения *мы* над местоимением *я*, что свидетельствует о восприятии российским лидером преобладания собственной социальной роли (и роли своей страны) над индивидуальной личностью. Меньшая частотность местоимений *вы* и *они* также отмечается в корпусе Галяминой, однако численный вес местоимения третьего лица множественного числа считается более низким, поскольку употребление этого местоимения неоднозначно, так как оно часто встречается в анафорической репрезентации и не всегда в дихотомии *мы/они*.

По мнению ученого, семантический объем местоимения *мы* как чувство социального включения также меняется. Действительно, в речах первых лет своего президентства Путин часто прибегал к местоимению *мы* для обозначения более широкого включения (*мы* не только как Россия, но и как все человечество, *все мы*), впоследствии, с 2014 года, ощущение изоляции России обострилось, ограничив инклюзивный горизонт местоимения [18, 157].

В нашем анализе мы отмечаем, что употребление местоимения *мы* особенно часто встречается в речи Путина 9 мая 2022 года, в которой необходимость создания единого духа в русском народе повторяет риторические стратегии войны, уже замеченные Поляковой в речах Сталина во время Второй мировой войны, когда остро ощущалась необходимость «сплотить советских людей в борьбе против немецких захватчиков, способствовать формированию у коммунистов чувства ненависти, прозрения к врагу» [27, 89].

Семантический анализ прономинальных согласований также мог бы показать интересные результаты в наших корпусах.

¹⁹ Дихотомия "*мы/они*" более не сбалансирована в довоенных текстах (213/76), чем в военных (134/105).

3.2. Макроструктурный анализ: КУ и стиль дискурса

Переходя к анализу коммуникативных установок на макроструктурном уровне, можно отметить, что в текстах сосуществуют фактуальная, аргументативная и экспрессивная КУ, а также, особенно в военных текстах, оперативно-инструктивная КУ.

Путин строит свою аргументацию, чередуя повествование и описание фактов, которые он сочетает с комментариями к ним. Согласно исследованию Иоакеимиди, в его речах предложения не слишком длинные, они никогда не превышают 20 слов [21] - и, если послушать аудиозаписи выступлений, слова и выражения он произносит четко, с эффектными паузами. Однако, выразительность этих речей проявляется в основном в переходах от одного стиля к другому: официально-деловой стиль, характерный для международного дипломатического форума (МР), соседствует с более разговорными, иногда сленговыми фразеологическими выражениями (КР). Юлия Гливинская-Котыня называет красноречие Путина настоящей "мозаикой стилей" [28, 40].

Первый из проанализированных предвоенных текстов (МР) демонстрирует более однородный и дискурсивный характер. Учитывая официальный характер события, Путин держит повествование в информативном и мягко экспрессивном тоне, в котором стилистические ляпы довольно редки. Давайте рассмотрим несколько примеров:

МР: В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было. Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корейская Народная-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль [...] И только Соединенные Штаты Америки, и Россия *несут обязательства* не создавать подобных систем вооружений.

КР: 16 марта в Крыму состоялся референдум, он прошёл в полном соответствии с демократическими процедурами и международно-правовыми нормами. В голосовании приняло участие более 82 процентов избирателей. Более 96 процентов высказалось за воссоединение с Россией. *Цифры предельно убедительные.*

В обоих фрагментах КУ является информативно-фактологическая, а описание и повествование сосуществуют. Во фрагменте из МР выражение *несут обязательства* является ярким примером устойчивого глагольно-именного словосочетания, характерного для официально-делового стиля. Данные, которые Путин четко сообщает во фрагменте из КР, характеризуются им как "предельно убедительные", хотя результаты референдума о присоединении Крыма к России не были признаны ОБСЕ и многими странами мира²⁰.

С другой стороны, в текстах военного времени, например, в тексте от 21.02.2022, подробное техническое описание сочетается с метафорами и крылатыми фразами, которые способствуют созданию экспрессивной КУ: «Подлетное время до Москвы крылатых ракет Томагавк составит менее 35 минут, баллистических ракет из района Харькова — 7–8 минут, а гиперзвуковых ударных средств — 4–5 минут. Это называется прямо *нож к горлу.*»

Метафора ножа у горла представляет собой очень эффективный пик разговорной выразительности. Другим фразеологизмом, который в данном случае служит для замедления напряжения, внося элемент иронии, является следующий: "На Украине развернуты учебно-тренировочные миссии стран НАТО. Это, по сути, уже и есть иностранные военные базы. Просто назвали базу "миссией" - и *дело в шляпе*".

Метафорические и образные выражения, как мы увидим ниже, особенно часто встречаются в военных текстах нашего корпуса.

²⁰ Si veda in proposito l'articolo di C. Marxsen: https://www.mpil.de/files/pdf4/Marxsen_2014_-_The_crimea_crisis_-_an_international_law_perspective.pdf (дата обращения 20.06.2023).

3.3. Путинизмы, коллоквиализмы и риторика мачо, вербальная агрессия

В публичных выступлениях президента, начиная с самого начала его деятельности, часто встречаются отступления от стиля, функциональные языковой выразительности. Как уже упоминалось, эта стратегия "отзеркаливания" является частью риторики убеждения слушателя/зрителя. Кронгауз говорит, что, когда Путин использует грубые выражения, «этот яркий прием снижения создает образ, так сказать, политического мачо, и это привлекательно для многих людей» [13]. Видимо Президент не боится реакции общественности, причем не только российской.

7 мая 2008 года российское информационное агентство РИА Новости опубликовало 20 самых колоритных выражений путинского языка, прямо назвав их "путинизмами"²¹. Некоторые из этих фраз приобрели большую популярность в России, войдя в общий язык как афоризмы, иногда сложные для понимания нерусской аудиторией.

Один из них был произнесен Путиным, тогдашним премьер-министром российского правительства, на сборе с руководством российских вооруженных сил в ноябре 2007 года:

- Проработайте вопрос об изменении стандартов строительства жилых домов, чтобы люди наши перестали жить в этих *вонючих хрущевках*.

Назвать квартиры, в которых живет большая часть населения Москвы, вонючими - неуважительно, но, безусловно, эффективно, если это определение сочетается с выражениями, характерными для бюрократической рутины, такими, как во вступительном предложении (*Проработайте вопрос...*). Среди наиболее известных и эффективных фраз, произносимых на пресс-конференциях или официальных встречах, можно назвать следующие:

- *Мы их замочим даже в сортире;*
- *Сюда смотреть. Сюда нужно смотреть! И слушать, что я говорю! А если неинтересно, значит пожалуйста...*

В первом случае Путин, говоря о неустанной борьбе с терроризмом, использует выражение, характерное для военного и уголовного жаргона²², во втором - привлекает внимание официальных лиц, присутствующих на заседании президиума Совета государственной безопасности. Использование инфинитива с императивным, демотическим значением (*Сюда смотреть*) или с модальным (*нужно смотреть*) подчеркивает оперативно-инструктивный КУ, роль политического лидера, резко взятую на себя Путиным, не боясь быть опровергнутым.

В нашем довоенном корпусе, особенно в речи об аннексии Крыма, экспрессивность также передается с помощью повторяющихся коллоквиализмов:

КР: Нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ. Нам всё время одно и то же твердили: «Ну, *вас это не касается*». *Легко сказать, не касается*. [...] Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, *их передали из рук в руки просто как мешок картошки*. Трудно с этим не согласиться. [...] Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы самостийности, независимости, власть, что называется, *их достала, опостылела* просто. Менялись президенты, премьеры, депутаты Рады, но не менялось их отношение к своей стране и к своему народу. Они *дошли Украину*, дрались между собой за полномочия, активы и финансовые потоки.

²¹ Представленные примеры взяты с сайта: <https://ria.ru/20080507/106744531.html>

²² Более глубокий этимологический анализ см. в Гливинска-Котыня 2011:41.

Коллоквиализмы *передали из рук в руки просто как мешок картошки и дошли Украину*, состоят из метафор и олицетворений. Если в Мюнхенской конференции Россия описывается как надежный, серьезный партнер:

- МР: Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о распространении ядерного оружия...

в речи об аннексии Крыма российское государство превращается в женщину, которая пострадала, проглотив тяжкое оскорбление:

- КР: Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду.

Разговорные формы иногда теряют свою политкорректность и превращаются в выражения прямой или косвенной вербальной агрессии. Последнее очевидно в тактике насмешки, сарказма, встречающейся в военных текстах: Европа и США - "так называемый цивилизованный мир", украинцы - "благодарные потомки" СССР:

- (Речь 21.02.2022): А сейчас "благодарные потомки" поносили на Украине памятники Ленину. Это у них декоммунизацией называется.

Оксана Иссерс говорит о *навешивании ярлыков* как о стратегии дискредитации: «ярлык не объясняет объективных свойств личности, микросоциума, а обозначает их по принципу "чужого", идеологически инородного» [29, 174].

Чаще агрессия является прямой и проявляется в тактике оскорбления [там же, 167]:

- (Речь 24.02.2022): В этом ряду и обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток. Повторю – *обманули*, а выражаясь народным языком, просто *кинули*. Да, часто можно слышать, что политика – грязное дело. Возможно, но не настолько же, не до такой же степени. Ведь такое *шулерское поведение* противоречит не только принципам международных отношений, но прежде всего общепризнанным нормам морали и нравственности.

Для описания поведения стран-членов Атлантического альянса Путин использует оскорбительное выражение *шулерское поведение* и открыто заявляет, что отношения с ними строятся только на основе лицемерия и лжи: *Где же здесь справедливость и правда? Одна лишь сплошная ложь и лицемерие.*

Тон остается очень жестким, даже когда Путин обращается к военнослужащим украинских вооруженных сил:

- Не позволяйте *неонацистам* и *бандеровцам* использовать ваших детей, ваших жен и стариков в качестве живого щита. Берите власть в свои руки. Похоже, нам с вами будет легче договориться, чем с этой *шайкой наркоманов и неонацистов*, которая засела в Киеве и взяла в заложники весь украинский народ.

Заявляя, что власть в Украине находится в руках банды наркоманов и неонацистов, последователей Бандеры, Путин высказывается в оскорбительной, но ясной и решительной форме:

- Вы давали присягу на верность украинскому народу, а не *антинародной хунте*, которая грабит Украину и издевается над этим самым народом.

В последнем примере Путин использует испанизм *хунта* в соответствии со значением, данным *Словарем Иностраннных слов*: «Группа заговорщиков, незаконно захвативших власть и правящих диктаторскими методами» [30, 565].

Как будет показано ниже, ключевые слова *нацист*, *нацизм*, *неонацист* демонстрируют совершенно разную встречаемость в довоенных и военных текстах нашего корпуса.

3.4. Другие стратегии риторики Путина

Дипломатический Путин (см. особенно МР среди довоенных текстов) характеризуется холодностью речи и аргументации. Для него характерны ясность, точность и логическая аргументация, представленная через систему прямых вопросов и реплик. Вопросы, часто риторические, являются частью аргументативной схемы, которую оратор использует для оказания влияния на слушателя [31]. Вводное слово *ведь*, повторяемая несколько раз, служит для поддержания внимания:

МР: Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. *Ведь* произошел же мирный переход к демократии в нашей стране! *Ведь* состоялась же мирная трансформация советского режима – мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия! Почему же сейчас при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять?

В этом фрагменте Путин прибегает к коротким вопросам, ответы на которые сопровождаются эллиптическими, часто восклицательными репликами (*Конечно, есть; И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия!*). Парцелляция²³ – также эффективно используемая стратегия. Вопросы иногда повторяются с эффектом цепочки или используют анафору²⁴: «*Что случилось? Почему всё это происходит? Ответ очевиден: потому что приданое, полученное не только от советской эпохи, но еще и от Российской империи, промотали и растащили по карманам.*»

Согласно Сауниной [31] использование вопроса в качестве дискурсивной стратегии в языке Путина встречается чаще, чем, например, в языке Медведева в той же роли президента РФ.

В военных текстах среди риторических фигур повтора наиболее часто встречается полиптотон²⁵: «*Мы на это не соглашались и не соглашаемся/ Россия всегда выступала и выступает за то, чтобы самые сложные проблемы решать политико-дипломатическими методами, за столом переговоров*», но отмечаются также анадиплосис²⁶: «*С каким количеством оружия, в том числе ядерного оружия!*»,

²³ Парцелляция —

конструкция экспрессивного синтаксиса, представляющая собой намеренное расчленение связанного на несколько интонационно и на письме пунктуационно самостоятельных отрезков (в терминологии швейцарского лингвиста Шарля Балли —

дислокация), например: «Джинсы, твидовый пиджак и хорошая рубашка.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/669295> (дата обращения 21.06.2023).

²⁴ Анафора или *единоначатие* (др.греч. ἀναφορά — приписывание, средство к исправлению) —

стилистическая фигура, состоящая в повторении сродных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/79366> (дата обращения 21.06.2023).

²⁵ Полиптотон (греч., от *polys* - многий, и *ripito* - случаться).

Повторение одного и того же слова в разных грамматических формах, как риторическая фигура.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/28467/%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%9F%D0%A2%D0%9E%D0%A2%D0%9E%D0%9D (дата обращения 21.06.2023).

²⁶ Анадиплосис (греч., от *ana* - снова, и *dipto* - удваиваю).

эпаналепсис²⁷ и триколон²⁸: «И всё же жаль, очень жаль, что из базовых, формально юридических основ, на которых была построена вся наша государственность, не были своевременно вычищены *одиозные, утопичные, наваянные революцией, но абсолютно разрушительные* для любой нормальной страны фантазии.»

Для более эффектной риторики Путин также прибегает к известным лозунгам советской памяти: «Где же здесь *справедливость и правда?* Одна лишь сплошная ложь и лицемерие. (...) внутри США создана в последние годы настоящая *империя лжи*. Трудно с этим не согласиться - так оно и есть». Как мы увидим, "правда и справедливость" - повторяющаяся двучленная формула в путинском повествовании.

В текстах, произнесенных после начала спецоперации, Путин начинает с однообразного повествования, без каких-либо стилистических ляпов, но в котором постепенно растут переходы от бюрократического к разговорному регистру: «У многих людей просто нет денег, чтобы оплачивать коммунальные услуги, им приходится буквально выживать.» Тон разговора становится все более живым, горячим, настойчивым. Повествование превращается в сухую, чистую хронику событий:

- (Речь от 21.02.2022): Невозможно без содрогания вспоминать о страшной трагедии в Одессе, где участники мирной акции протеста были зверски убиты, заживо сожжены в Доме профсоюзов.

Как повторяет Путин в другом отрывке той же речи, «факт остается фактом». Исторический нарратив лежит в основе аргументации во многих выступлениях президента и суммирует элементы *этоса* и *пафоса* с почти дидактическим оттенком: «Пойти придется, что называется, издалека». Следующий фрагмент КР является очень ярким примером этого:

КР: Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России.

В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь *древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг* – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. *В Крыму – могилы русских солдат, мужеством* которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. *Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести.* [...] После революции большевики по разным соображениям, пусть Бог им будет судья, включили в состав Украинской союзной республики значительные территории исторического юга России. Это было сделано без учёта национального состава жителей, и сегодня это современный юго-восток Украины.

Помимо полиптотона, о котором уже говорилось, в этих рассуждениях также часто встречается хиазм²⁹: «*что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России*».

Риторическая фигура, в которой следующее предложение начинается теми же словами, которыми оканчивается предыдущее.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/3982/%D0%90%D0%9D%D0%90%D0%94%D0%98%D0%9F%D0%9B%D0%9E%D0%97%D0%98%D0%A1 (дата обращения 21.06.2023).

²⁷ *Эпаналепсис*: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/maruso/7029/epanalessi> (дата обращения 21.06.2023).

²⁸ *Триколон*: в риторике сложное предложение из трех членов.

https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36748/%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%9D (дата обращения 21.06.2023).

²⁹ *Хиазм* (от др.греч. χιασμός) —

риторическая фигура, заключающаяся в крестообразном изменении последовательности элементов в дву

Формальная эрудиция текста сочетается с историко-религиозной риторикой, этикой страдания ради достижения русской славы (*В Крыму - могилы русских солдат*). Херсон, мифическое место крещения Руси, сближается с другими символическими местами в Крыму, театрами многочисленных сражений. Трагические и в то же время священные места, для празднования которых Путин использует пафосные слова: *слава, доблесть*, а затем ссылается на Божий суд, чтобы объяснить присоединение Крыма к Украине большевиками.

В своей речи на Красной площади 9 мая 2022 года по случаю парада в честь победы над нацизмом Путин повторяет ту же религиозную риторику защиты Отечества, реализуя ее с помощью синтаксической стратегии амплификации³⁰:

Защита Родины, когда решалась её судьба, всегда была священной. С такими чувствами подлинного патриотизма поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом под Москвой и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом. Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей на Донбассе.

На самом деле, выражения *поднимались за Отечество; или в атаку и бились с врагом* - это словосочетания с синонимической функцией, подчеркивающие историческую преемственность, которая актуализируется в заключительном предложении (*Так и сейчас, в эти дни вы сражаетесь за наших людей на Донбассе*).

Как уже отмечалось, президентское послание характеризуется множеством метафор³¹. Поскольку здесь невозможно исчерпать анализ типичных для политического дискурса метафор, которые Котейко и Рязанова-Кларк делят на *концептуальные и дискурсивные (conceptual and discourse metaphors)*³² [32: 114], мы ограничимся рассмотрением метафоры как элемента микроструктуры текста Путина.

Среди первых (концептуальных метафор), передающих негативные концепты, часто встречается метафора болезни, связанная с политическим вырождением национализма: "*Бацилла националистических амбиций [...] Им оказывалось нетрудно раз за разом навязывать свою волю слабой власти, которая сама была поражена вирусом национализма и коррупции.*"

Среди вторых (дискурсивных) мы находим библейскую метафору райские кущи: «это и есть тот самый прозападный цивилизационный выбор, которым уже многие годы дурачат и оболванивают миллионы людей, обещая им *райские кущи?*»³³. Эдем, райское место библейской памяти, вызывается, чтобы символизировать мираж полноценной европейской Украины, с которой миллионы людей в этой стране были обмануты и одурачены в течение многих лет.

х параллельных рядах слов (например, фраза К.С. Станиславского: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве»). <https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/436596> (дата обращения 21.06.2023).

³⁰ *Амплификация* (лат. *amplificatio* — расширение) —

стилистическая фигура, представляющая собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов. Амплификация как стилистический приём выражается, например, в накоплении синонимов, антитез или может принять вид повышения, то есть расположения выражений, относящихся к одному предмету, по принципу нарастания их значимости, эмоциональной действенности и т. п.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/615132> (дата обращения 21.06.2023).

³¹ *Метафора* (от др.-греч. *μεταφορά* — «перенос», «переносное значение») — троп,

слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака.

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/tuwiki/1758> (дата обращения 21.06.2023).

³² По определению лингвиста, “while conceptual metaphors are considered universal, independent of time, discourse metaphors change with the ongoing discourses and are used for specific purposes”.

³³ В речи 21.02. 2022, корпус Военных выступлений.

Также сравнения³⁴ часто эффективны для дискредитации противника: «пресловутая руководящая роль партии, как утренний туман, бесследно исчезает прямо у них на глазах», и они тем более эффективны в сочетании с хиазмом: «*коррупция как цвела пыльным цветом, так и цветет - пуще прежнего.*»

В завершение анализа микроструктуры текстов будет интересно сравнить встречаемость некоторых ключевых слов в довоенных и военных текстах корпуса.

3.5. Анализ ключевых слов

Создание корпусов позволило выделить некоторые из наиболее значимых ключевых слов и различия в их встречаемости в двух корпусах. Интересные примеры некоторых из них приведены в табл. 3:

Таблица 3. Частотность в корпусах некоторых keywords

Keywords	Предвоенные речи	Военные речи
<i>военная операция</i>	-	10, из которых 6 – <i>специальная военная операция</i>
<i>война</i>	20 (из которых 4 – мировая, 3 - холодная война)	44, из которых 10 Великая Отечественная, 8 Вторая Мировая, 4 Гражданская, 2 холодная, 1 Первая Мировая, 1 глобальная
<i>враг</i>	3: Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и <i>врагами</i> .	8: Те, кто претендуют на мировое господство, публично, безнаказанно и, подчеркну, без всяких на то оснований объявляют нас, Россию, своим <i>врагом</i> .
<i>герой</i>	2: Более двух тысяч стали Героями Советского Союза.	6: российские солдаты и офицеры действуют мужественно, как настоящие <i>герои</i>
<i>нацист, нацизм, неонацист</i>	2 <i>нацист</i> ; 1 <i>нацизм</i> 4 <i>неонацист</i> : Главными исполнителями переворота стали националисты, <i>неонацисты</i> , русофобы и антисемиты.	4 <i>нацист</i> ; 8 <i>нацизм</i> 16 <i>неонацист</i> : Ведущие страны НАТО для достижения своих собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и <i>неонацистов</i>
<i>правда и справедливость</i>	1 : Эта убежденность, основанная на <i>правде</i> и <i>справедливости</i> , была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение.	4: А мы с вами знаем, что настоящая сила - в <i>справедливости</i> и <i>правде</i> , которая на нашей стороне.
<i>правда</i>	5	9
<i>родина</i>	6	28: Защита <i>Родины</i> , когда решалась её судьба, всегда была священной.
<i>отечество</i>	-	12
<i>Товарищи</i>	-	13

Ключевые слова, приведенные в табл. 3, были отобраны по частотности и семантико-концептуальной значимости в речах Путина. Присутствие этих терминов функционирует как элемент текстовой связности. Как видно из таблицы, ни одного из них не имеет одинаковой частотности в двух корпусах, и именно эта динамика показалась нам интересной. Некоторые ключевые слова были сгруппированы по лексико-семантическому полю (*нацист, нацизм, неонацист*), другие в паре (*правда и справедливость, родина, отечество*), потому что они присутствуют в тексте как настоящие словосочетания или синонимические ряды. Полученная частота измеряется

³⁴Сравнение —

троп, в котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/686600> (дата обращения 21.06.2023).

путем применения функции *Concordance* на SE, что также позволяет нам выявить некоторые наиболее значимые примеры.

Словосочетание *военная операция* полностью отсутствует в предвоенных текстах, в то время как в военных оно совершает настоящий прорыв в формулировке *специальная военная операция*, используемой Путиным для определения вторжения в Украину. Что касается войны, то в военных текстах термин *война* всегда используется для обозначения прошлых, а не нынешних войн, а в предвоенных текстах он чаще всего обозначает мировую или холодную войну.

Что касается слов семантического поля, центрального для последнего путинского нарратива, а именно *нацист*, *нацизм*, *неонацист*, их присутствие незначительное в предвоенных текстах (7), но следует отметить их значительный рост в военных текстах (28).

Завершая обзор ключевых лемм в путинском дискурсе, стоит упомянуть ещё две пары: *правда* и *справедливость*, которая часто используется как неразрывная пара и *родина*, *отечество*. Присутствие этих пар растет во втором корпусе, где, в частности, лемма *родина* (28) преобладает над более высоким *отечеством* (12) и часто встречается в "Речи Победы". Присутствие апеллянтов *товарищ*, отсутствующего в предвоенных текстах, также становится значительным в военных речах (13 вхождений).

Выводы

На основании анализа, проведенного над текстами выступлений, мы отметили, что речь Путина - это вулкан языковой и стилистической выразительности, а также типичный пример риторико-персуазивной стратегии. Н. Г. Бабич утверждает, что в основе стиля Путина лежит сочетание эмоциональных, экспрессивных и рациональных элементов [20:11], а по мнению Альшевой [17:171], его доминирующей чертой является логичность аргументации. На наш взгляд, с 2012 года по настоящее время наращивание политической напряженности между Россией и странами Запада привела к тому, что экспрессивный элемент все больше преобладает над аргументированным.

Анализ речей Путина является, безусловно, очень сложным, так как содержит массу исторических, описательных и повествовательных, технических, официальных, но также разговорных и идиоматических элементов. Попытавшись провести эволюционный анализ языковых и, в более широком смысле, коммуникативных стратегий, присутствующих в президентских речах, содержащихся в двух корпусах, созданных специально для анализа, можно сделать вывод, что повествование все более явно развивается в сторону пропаганды сообщения, в котором звучат советские стилимы и эффектные выражения, иногда достаточно агрессивные.

В проанализированных довоенных текстах, начиная с МР 2007 г., акцент в дискурсе делается на информативном, описательном подходе. Подход оратора на макроструктурном уровне более официальный, тон дипломатический, характеризуется низким уровнем экспрессивности и довольно однородным стилем (официально-деловой, публицистический), в то время как на микроструктурном уровне язык более технический. В речи об аннексии Крыма (2014) текст более диалогичен, эмоционален, с многочисленными стилистическими ляпами и частой парцелляцией. В нем вводятся историко-религиозная риторика, инструментальная и убедительная подача информации.

Рассмотренные военные речи, начиная с февраля 2022 года, характеризуются в первой части историческим аргументированным вступлением, во второй части постепенно усиливаются техницизмы, юридический язык и экспрессивность текста. В этих речах, помимо технического отчета о ходе военных действий, можно заметить более оперативную, инструктивную КУ, проявляющуюся в употреблении пассивных причастий прошедшего времени в актуальной функции: «принятые решения будут

выполнены, поставленные цели - достигнуты, безопасность нашей Родины - надежно гарантирована.» Нет недостатка, конечно, и в выражениях, полных пафоса: «Верю в вашу поддержку, в ту непобедимую силу, которую дает нам наша любовь к Отечеству».

Несмотря на очевидный пафос, содержащийся в речах, тон красноречия Путина всегда остается спокойным и хорошо контролируемым, скорость нормальная, слова хорошо артикулированы, голос низкий, но напористый, авторитетный. Сущность послания предельно ясна, принятое решение твердо, неотвратимо: «Повторю, просто не могли поступить иначе». Все лингвистические стратегии Президента, похоже, направлены на одну цель: как можно более убедительно рассказать о драматических событиях, которые изменят страну и историю ее отношений с миром. Поэтому слова Путина, как и его решения, останутся в истории как пример искусной риторики.

References:

1. Shejgal E.I. (2000) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Gavrilova M.V. (2017) Lingvisticheskij analiz vystuplenij glavy gosudarstva: tematika, napravlenija i metody issledovanija [Linguistic analysis of the speech of the head of state: topics, directions and methods of research]. *Politicheskaja nauka* [Political science], 2, 54-72.
3. Gavrilova M.V. (2005) Lingvokognitivnyj analiz russkogo politicheskogo diskursa. Avtoreferat dissertacii [Linguocognitive Analysis of Russian Political Discourse. Dissertation Abstract] Sankt-Peterburg.
4. Gavrilova M.V. (2004) Političeskij diskurs kak ob'ekt lingvističeskogo analiza [Political discourse as an object of linguistic analysis]. *Polis, Politicheskie issledovanija* [Polis. Political researches] 3, 127-139. <https://www.politstudies.ru/article/3401> (дата обращения 20.06.2023).
5. Gavrilova M.V. (2015) Politicheskaja lingvistika v Rossii: kak jazykovedy chitajut politicheskie teksty [Political linguistics in Russia: how linguists read political texts]. Gaman-Golutvinaja O.V (eds.) *Strukturnye transformacii i razvitie otechestvennyh shkol politologii* [Structural transformations and development of technical schools of political science]. Moskva, 433 – 444.
6. Chudinov A.P. (2020) Politicheskaja lingvistika [Political linguistics] Moskva: Flinta nauka.
7. Cortelazzo M. (2017) Il linguaggio della politica [The language of politics] Roma: GEDI
8. Golanova E.I. (1996) Ustnyj publichnyj dialog: zhanr interv'ju, *Russkij jazyk konca 20-ogo stoletija* [Oral Public Dialogue: The Genre of Interview. Russian Language of the Late Twentieth Century (1985-1995)] Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 427-452.
9. Golanova E.I. (2008) Aktivnye processy v sfere publichnogo obshchenija. *Sovremennyj russkij jazyk. Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov* [Active processes in public communication. Modern Russian Language. Active processes at the turn of the XX-XXI century]. Moskva: Jazyki Slavjanskich kul'tur, 415-494.
10. Kostomarov V.G. (1999) Jazykovej vkus epochi [The linguistic taste of the age], Sankt-Peterburg: Zlatoust.
11. Desideri P. (1993) L'italiano della Lega/1 [The Italian language of the Northern League], *Italiano-oltre* [Italian-beyond] 5, 281-285
12. Antonelli G. (2007) L'italiano nella società della comunicazione 2.0 [Italian language in the communication society] Bologna: Il Mulino.
13. Krongauz M.A. (2017) Memy interesnee real'noj politiki – skuchnoj, strashnoj i bezchelovečnoj [Memes are more interesting than real politics - boring, scary and inhumane] <https://realnoevremya.ru/articles/70050-krongauz-o-sovremennom-yazyke-v-politike-i-obschestve> (дата обращения 20.06.2023).

14. Mortara Garavelli B. (2008) Manuale di retorica [Handbook of rhetoric] Milano: Bompiani.
15. Reboul O. (1996) Introduzione alla retorica [Introduction to rhetoric] Bologna: Il Mulino.
16. Gavrilova M.V. (2010) Aktivnye processy v russkom politicheskom diskurse nachala XXI veka [Active Processes in Russian Political Discourse of the Beginning of the XXI Century] M.L. Remneva, A.A. Polikarpov (eds.), *Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. IV Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka. Trudy i materialy*. [The Russian language: historical destinies and modernity. IV international congress of Russian language scholars. Proceedings and materials] Moskva: izd. Moskovskogo Universiteta, 110-111.
17. Alysheva Ju. S. (2012) Rechevoj portret V.V. Putina [Putin's speech portrait], *Vestnik Volgogradskogo Universiteta Ser. 2, Jazykoznanie [Bulletin of Volgograd University Linguistics series]*. 2 (16) 171-174.
18. Galjamina Ju. E. (2016) My - oni: kak v diskurse Vladimira Putina raznyh let konstruiruetsja identichnost' [Us - them: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse of different years]. *Political Science*, 3, 152-167.
19. Malinova O. Ju. (2018) Obosnovanie politiki 2000-ch godov v diskurse V.V. Putina i formirovanie mifa lichich devjanostych [The renewal of the policy of the 2000s in V.V. Putin's discourse and the formation of the myth of dashing nineties]. *Political science* 3, 45-69.
20. Babich N. G. (2013) Prezidentkaja ritorika Vladimira Putina (na primere Prezidentskogo interv'ju) [Vladimir Putin's presidential rhetoric (on the example of the presidential interview)]. *Vestnik MGOU Serija Lingvistika [Bulletin of MGOU Linguistics series]*. 6, 6-12.
21. Ioakeimidi D. (2015) Ritoricheskie osobennosti publichnoj politicheskoj rechi Prezidenta Rossii V.V. Putina [Rhetorical features of Russian President V. V. Putin's public political speech]. *Almanac Space and Time*, 8, issue 2 <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskie-osobennosti-publichnoy-politicheskoj-rechi-prezidenta-rossii-v-v-putina> (дата обращения 20.06.2023).
22. Pereverzev E.V., Kozhemjakin E.A. (2008) Politicheskij diskurs: mnogoparametral'naja model' [Political discourse: a multiparametric model]. *Vestnik VGU [Bulletin of VGU]*. 2, 74-79.
23. Valgina N.S. (2003) Teorija teksta [Text Theory] Moskva: Logos. <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm> (дата обращения 20.06.2023).
24. Perotto M. (2010) Obuchenie analizu juridicheskogo teksta studentov-filologov [Teaching students of philology to analyze legal text], N.F. Micheeva et al. (eds.) *Tekstologija segodnja: itogi, problemy, metody. Materialy Vserossijskoj Nauchnoj shkoly dlja molodezhi [Textology Today: Results, Problems, Methods. Proceedings of the All-Russian Scientific School for Young People]*. Moskva: RUDN, 22-31.
25. Krongauz M.A. (2008) Russkij jazyk na grani nervnogo sryva [Russian language on the verge of nervous breakdown]. Moskva: Jazyki Slavjanskich kul'tur
26. Filinskij A.A. (2002) Kriticheskij analiz politicheskogo diskursa predvybornych kampanij 1999-2000, Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskich nauk [Critical Analysis of Political Discourse in the 1999-2000 Election Campaigns, Ph.D. dissertation abstract]. Tver'
27. Poljakova Ju. G. (2015) Taktiko-strategicheskie charakteristiki politicheskogo diskursa I. V. Stalina [Tactical-strategic characteristics of Stalin's political discourse]. *Filologija i Kul'tura [Philology and Culture]*. 2, 40, 88-92.
28. Glivinska- Kotynia Ju. (2011) Pragmaticeskij analiz izbrannyh vyskazyvanij V. Putina [Pragmatic Analysis of V. V. Putin's Selected Statements]. *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica*, 7, 39-47.

29. Issers O. S. (2008) Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian language]. Moskva: LKI.
30. Slovar' Inostrannykh Sloz [Dictionary of foreign words] (1989) Moskva: Russkij Jazyk.
31. Saunina E.V. (2011), Voprositel'nye predlozhenija i ich funkcij v rechi D. A. Medvedeva i V. V. Putina [Interrogative sentences and their functions in the speeches of D. A. Medvedev and V.V. Putin]. *Filologija i chelovek [Philology and the Human Being]*. 3, 146-153.
32. N. Kotejko, L. Ryazanova-Clarke, The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? *Slavonica*, 2009 (15), 2, 112-127.

Ситография:

Marxsen C., The Crimea Crisis, An International Law Perspective: https://www.mpil.de/files/pdf4/Marxsen_2014_-_The_crimea_crisis_-_an_international_law_perspective.pdf (дата обращения 20.06.2023).

Официальный сайт Кремля [Kremlin official site]:

<http://www.kremlin.ru/multimedia/video/section/speeches> (дата обращения 20.06.2023).

<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts> (дата обращения 20.06.2023).

Первый канал [First Channel]: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/pryamaya-liniya-2021/pryamaya-liniya-s-vladimirom-putinym-2021> (дата обращения 20.06.2023).

Перовская Т.И.: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27972/1/rya-IV-2014-09.pdf>

Россияне устали от прямой линии [Russian are tired of Putin's Direct line], *Коммерсантъ* 16.04.2015: <https://www.kommersant.ru/doc/2710522> (дата обращения 20.06.2023).

Sketch Engine:

https://app.sketchengine.eu/#dashboard?corpname=user%2Fmonica.perotto%2Fdiscorsi_bellisci_putin (дата обращения 20.06.2023).

20 Высказываний Путина, ставших афоризмами [20 Putin's statements that have become aphorisms] 7.05.2008: <https://ria.ru/20080507/106744531.html> (дата обращения 20.06.2023).

Information about the Author:

Monica Perotto (Forly, Italy) – PhD, Associate Professor of Russian Linguistics at the University of Bologna, Department of Modern Languages, Literatures and Cultures. Web site: <https://www.unibo.it/sitoweb/monica.perotto>

She previously taught linguistics and translation from Russian into Italian at Higher School for Interpreters and Translators (Bologna University). Her main research interests are in the sociolinguistic field (modern Russian and Russian as a foreign language, bilingualism in Russian-speaking immigration to Italy, and language policies in the post-Soviet area). She was part of the development team of the Russian Language Syllabus for MIUR. She is currently working on bilingualism and translation, language of Russian immigration to Italy, text analysis.

E-mail: monica.perotto@unibo.it

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*